

Глава 1

МИР ТАНТРЫ

С у т р а:

Дэви спрашивает:

О Шива, что есть твоя суть?

Что есть эта Вселенная, мир бесконечных чудес?

Каково ее семя, начало всего?

Кто направляет колесо мироздания?

Что есть эта жизнь — внутри всякой формы и превыше всех форм?

*Как войти в нее целиком, преступив пределы пространства
и времени, названий и описаний?*

Да разрешатся мои сомнения!

Несколько вступительных замечаний. Прежде всего, мир «Вигьяны Бхайравы Тантры» — мир не интеллектуальный, мир не философский. Доктрины в нем бессмысленны. Этот мир определяется методом, техникой; в нем нет места принципам. Само слово «тантра» означает «техника», «метод», «путь». Так что имейте в виду: в Тантре нет никакой философии. Тантра не занимается интеллектуальными проблемами и исследованиями. В основе всего ее поиска лежит не «почему», но «как»; не «что есть истина», но «как достичь истины».

Тантра значит «техника», и этот трактат — научный трактат. Наука не спрашивает «почему», наука спрашивает «как»; в этом принципиальная разница между философией и наукой. Философия говорит: «Существование существует — почему?» Наука говорит: «Существование существует — как?» А когда задаешься вопросом «как», важным

становится метод, техника. Теории теряют смысл; в центре оказывается опыт.

Тантра — это наука, Тантра не философия. Понять философию легко, потому что для ее понимания требуется только интеллект. Если вам понятен язык, если вам понятна концепция, вы сможете понять и философию. При этом не нужно изменять себя; трансформации не требуется. Ничего в себе не меняя, вы сможете понять философию — но не Тантру.

Здесь же потребуется перемена в самом себе... или, скорее, мутация. Тантру нельзя понять, не изменив себя, потому что Тантра — это не интеллектуальное построение, но опыт; и этот опыт к вам не придет, пока вы не станете восприимчивы, уязвимы, пока не будете к этому опыту готовы.

Философия апеллирует к уму — достаточно только головы; участвовать целиком, участвовать *тотально* не обязательно. Тантра

же требует полного, всецелого, безраздельного участия — *тотальности*. Тантра бросает более глубокий вызов. В нее можно войти только целиком, она недоступна частично-му постижению. Чтобы ее воспринять, требуется совершенно другой ум, другой подход, другой метод. Поэтому Дэви задает вопросы, которые кажутся философскими. Тантра начинается с вопросов Дэви. На все вопросы могут быть даны философские ответы.

На самом деле, к любому вопросу можно подойти с двух сторон: философски или тотально, интеллектуально или сущностно. Например, если кто-нибудь спрашивает: «Что такое любовь?» — можно подойти к этому вопросу философски: начать рассуждать, развивать теории, представлять аргументы в пользу той или иной гипотезы. Можно создать систему, доктрину, даже не пережив самой любви.

Для создания доктрины не требуется опыта. Более того, чем меньше вы знаете, тем лучше, потому что тогда вы сможете выдвинуть систему без колебаний. Только слепой легко даст определение, что такое свет. Когда ничего не знаешь, это придает храбрости. Невежество всегда дерзко; знание колеблется. Но чем больше вы знаете, тем более чувствуете, что почва ускользает из-под ног. Чем больше вы знаете, тем острее чувствуете собственное невежество... И те, кто действительно мудр, — они становятся невежественными. Они становятся простыми, как дети, простыми, как идиоты.

Чем меньше вы знаете, тем лучше. Очень легко быть философом, догматиком, приверженцем доктрин. Очень легко справиться с проблемой интеллектуально. Но подойти к проблеме сущностно — не просто думать о ней, но прожить, прочувствовать ее, позволить ей себя трансформировать — трудно. Другими словами: чтобы знать, что такое любовь, нужно любить. Это опасно, потому что вы не останетесь прежним. Опыт вас изменит. Как только вы окупаетесь

в любовь, вы станете другим человеком. И после этого вы не сможете узнать своего лица — оно будет не тем, которое вы знали раньше. Непрерывность разорвана. Возник промежуток: старый человек умер, и появился новый. Именно это подразумевается под выражением «родиться заново» — стать дваждырожденным.

Тантра не философствует — она экзистенциальна. Конечно, Дэви задает вопросы, которые кажутся философскими, но Шива не дает на них философских ответов. Это лучше понять с самого начала; иначе покажется странным, что Шива не отвечает на вопросы. Ни на один из заданных Дэви вопросов Шива не отвечает. И в то же время он отвечает! Более того: только он и никто другой дал ответ на вопросы — но на совершенно ином уровне.

Дэви спрашивает: «Что есть твоя суть, о мой господин, о возлюбленный?» Шива не дает ответа. Вместо этого он дает технику. И если Дэви выполнит эту технику, она узнает. Ответ косвенный; прямого ответа нет. Шива не говорит: «Вот кто я такой...» Он дает технику — сделай, и узнаешь.

В Тантре знанием является действие, и другого знания не существует. Вы не получите ответа, иначе как совершив действие, изменив себя, найдя новый угол зрения, новый угол видения, переместившись в совершенно иное измерение, нежели интеллектуальное. Ответы могут быть даны, но все они будут ложью. Все философии лгут. Вы задаете вопрос, философия дает ответ. Он вас удовлетворяет или не удовлетворяет. Если он вас удовлетворяет, вы становитесь приверженцем этой философии, но остаетесь прежним человеком. Если ответ вас не удовлетворяет, вы продолжаете искать другую философию, чтобы стать ее приверженцем. Но сами вы остаетесь прежним; ничто вас не затронуло, вы не изменились.

Поэтому не играет никакой роли, индуст вы или мусульманин, христианин или

джайнист. Реальный человек, находящийся по ту сторону индуистского, мусульманского или христианского фасада, один и тот же. Рознятся только слова, одежда. Человек, ходит ли он в церковь, в храм или в мечеть, все тот же самый. Рознятся только лица, причем это ложные лица — маски. За масками вы найдете все того же человека: тот же гнев, ту же агрессивность, то же насилие, ту же жадность, ту же сексуальность — все то же самое. Отличается ли мусульманская сексуальность от индуистской сексуальности? Или христианское насилие от индуистского насилия? Они одинаковы! Реальность одна и та же; различается только одежда.

Тантра не занимается одеждой, Тантра занимается вами. Когда вы задаете вопрос, он показывает, где вы находитесь. И он также показывает, что, где бы вы ни находились, вы не способны видеть; именно поэтому и возник вопрос. Слепой спрашивает: «Что такое свет?» — и философия начинает объяснять, что такое свет. Тантра же делает только один вывод: если человек спрашивает, что такое свет, это говорит о том, что он слеп. Тантра пытается излечить этого человека от слепоты, изменить его, сделать так, чтобы он смог видеть. Тантра не станет объяснять, что такое свет. Тантра объяснит, как прозреть, как прийти к видению, как сделать глаза зрячими. Когда появится зрение, придет и ответ. Тантра не даст вам ответа; Тантра даст технику, способную привести к ответу.

Конечно, такого рода ответ не будет интеллектуальным. Когда вы рассказываете слепому о свете, это интеллектуальный подход. Но когда сам слепой приобретает способность видеть, это подход сущностный. Вот что я имею в виду, когда называю Тантру экзистенциальной. Шива не отвечает на вопросы Дэви и в то же время отвечает, — это первое.

Второе: это совершенно другой язык. Прежде чем мы к нему обратимся, вы должны кое-что о нем узнать. Все трактаты Тан-

тры состоят из диалогов Шивы и Дэви. Дэви задает вопросы, Шива отвечает. Так начинаются все трактаты Тантры. Почему? Почему используется такой метод? Это весьма существенно: диалог происходит не между учителем и учеником, диалог происходит между влюбленными. И таким способом Тантра указывает нечто очень важное: самые глубокие учения могут быть переданы только в любви и только между влюбленными — учеником и мастером. Ученик и мастер должны стать влюбленными, глубоко влюбленными. Только тогда может быть выражено высшее, запредельное.

Итак, этот язык — язык любви; ученик должен быть в состоянии любви. Но этого недостаточно, потому что любить друг друга могут и друзья. Тантра говорит: ученик становится воплощенной восприимчивостью; то есть ученик должен прийти в состояние женственной восприимчивости, только тогда нечто становится возможным. Не нужно быть женщиной, чтобы быть учеником; но нужно быть в женственном состоянии восприимчивости. Дэви, задающая вопросы, символизирует женственное состояние спрашивающего. Почему так важно женственное состояние?

Мужчина и женщина отличаются друг от друга не только физически, они отличаются психологически. Пол состоит не только в различии тел; это также и различие психологий. Женственный ум подразумевает восприимчивость — безраздельную восприимчивость, самоотречение, любовь. Ученику необходима женственная психология; иначе он не сможет учиться. Вы можете задать вопрос, но если вы не открыты, вам нельзя будет ответить. Вы можете задать вопрос и оставаться закрытым. Тогда ответ не сможет в вас проникнуть. Ваши двери закрыты; вы мертвы. Вы не открыты.

Женственная восприимчивость означает глубокую внутреннюю восприимчивость,

подобную восприимчивости матки, лона женщины, когда вы способны принимать в себя. Но не только это: подразумевается гораздо большее. Женщина не просто принимает; принимаемое тут же становится частью ее тела. Женщина принимает ребенка: она зачинает; и, как только происходит зачатие, ребенок становится частью ее тела. Он не инороден, не отчужден. Он впитан, вобран. Теперь ребенок будет жить не как нечто добавленное к матери, но как сама ее часть, как сама мать. Женское тело не просто принимает ребенка: оно становится творческим — ребенок начинает расти.

Ученику необходима восприимчивость, подобная восприимчивости чрева женщины. Ничто принимаемое не должно накапливаться как мертвое знание. Принимаемое должно расти внутри, должно стать кровью и плотью. Оно должно стать вашей неотъемлемой частью, сразу... — и расти! И этот рост изменит, трансформирует вас, воспринявшего. Вот почему Тантра прибегает к такому средству. Каждый трактат начинается с того, что Дэви задает вопрос и Шива отвечает. Дэви — возлюбленная Шивы, его женственная часть.

И еще одно... Современная психология, в особенности глубинная психология, утверждает, что каждый человек — одновременно и мужчина, и женщина. Никто не является исключительно мужчиной или исключительно женщиной; каждый человек обо-е-пол. В каждом представлены и мужской, и женский пол. На Западе к этому открытию пришли совсем недавно, но в Тантре оно тысячи лет было одной из ключевых концепций. Наверное, вы видели изображения Шивы в виде *ардханаришвар* — наполовину мужчины, наполовину женщины. Во всей истории человечества нет другой подобной концепции. Шива изображается наполовину мужчиной, наполовину женщиной.

Так что Дэви не просто возлюбленная Шивы; она его вторая половина. А высшие

учения, эзотерические методы могут быть переданы только в том случае, если ученик становится второй половиной мастера. Когда вы становитесь с ним одним целым, нет места сомнению. Когда вы с мастером становитесь едины — тотально едины, глубоко едины — нет места спору, нет места логике, нет ничего рассудочного. Ученик просто впитывает; ученик становится лон-ом. И тогда учение начинает в нем расти и изменяет его.

Вот почему Тантра написана на языке любви. Нужно еще понять некоторые вещи о языке любви. Есть два языка — язык логики и язык любви. Они различаются в самой своей основе.

Логический язык агрессивный, спорящий, насильственный. Если я пользуюсь логическим языком, я веду себя агрессивно в отношении вашего ума. Я пытаюсь вас переубедить, навязать свою точку зрения, сделать вас марионеткой. Мои доводы «правильны», а вы «неправы». Логический язык эгоцентричен: «Я прав, ты неправ, и я должен доказать, что я прав, а ты неправ». Меня интересует не вы; меня интересует мое собственное эго. Мое эго всегда «право».

Язык любви — совершенно другой. Меня интересует не эго, меня интересует вы. Я заинтересован не в том, чтобы что-то доказать, укрепить свое эго, а в том, чтобы помочь вам. Мною движет сострадание, желание помочь вам расти, помочь вам пережить трансформацию, помочь вам родиться заново.

Во-вторых, логика всегда интеллектуальна. В логике важны концепции и принципы, в логике важны аргументы. В языке любви не так существенно, что именно сказано; важнее то, *как* сказано. Вместилище, слово, не столь важно; важнее содержание, сообщаемое. Происходит разговор сердца с сердцем, а не спор ума с умом. Это не дискуссия, но доверительное общение.

Так что это редкая ситуация: Дэви задает вопросы, сидя у Шивы на коленях, и Шива отвечает. Это диалог любви, без всякой борьбы мнений и противоречий, — Шива как будто разговаривает сам с собой. Почему так важна любовь, язык любви? Потому что, если вы любите своего мастера любовью влюбленного, меняется весь гештальт; все становится иначе. Тогда вы не слушаете его слов — вы *пьете* от него. Тогда слова ничего не значат. Гораздо более значимым становится молчание между словами. То, что говорит мастер, может иметь смысл, может его не иметь... но главное — в его глазах, в его жестах, в его сострадании, в его любви.

Вот почему в Тантре применяется определенный прием, определенная структура. Каждый трактат начинается с того, что Дэви задает вопросы и Шива отвечает. Нет никакой дискуссии, никакой напрасной траты слов; только факты в самой простой констатации, лаконичные, как телеграммные сообщения, — передаваемые лишь для того, чтобы ими поделиться, без намерения убеждать или доказывать.

Если вы придете к Шиве с закрытым умом и зададите вопрос, он не станет отвечать таким образом: сначала нужно будет разрушить вашу закрытость. Тогда ему придется быть агрессивным — нужно будет разрушить ваши предрассудки, ваши предубеждения. Пока вы не очиститесь полностью от своего прошлого, вам ничего нельзя дать. Но с Дэви, его возлюбленной и спутницей, все не так; у Дэви нет прошлого.

Помните: когда вы глубоко любите, ум прекращает существовать. Прошлого нет; есть только миг настоящего, и он становится всем. Когда вы любите, настоящее — единственное время, и нет ничего, кроме настоящего; нет ни прошлого, ни будущего. Дэви полностью открыта. Нет никаких защит, никакого противостояния — устранять, разрушать нечего. Почва готова, ос-

тается лишь бросить семя... — и почва не только готова, но ждет, рада принять семя, просит, чтобы ее засеяли.

Поэтому слова, которые мы будем обсуждать, так лаконичны. Это просто сутры, но каждая сутра, каждое лаконичное сообщение, передаваемое Шивой, стоит всех Вед, Библии и Корана вместе взятых. Каждое отдельное предложение может стать основой великого священного писания. Писания логичны: в них что-то провозглашается, отстаивается, обосновывается. Здесь же никакого обоснования нет — лишь простые слова любви.

В-третьих, само название «Вигьяна Бхайрава Тантра» означает: «техника выхода за пределы сознания». *Вигьяна* значит «сознание», *бхайрава* — «состояние за пределами сознания», *тантра* значит «метод»: метод выхода за пределы сознания. Это высшая доктрина — в ней нет никакой доктрины. Мы бессознательны, и все религиозные учения озабочены тем, как выйти из бессознательности и достичь сознательности. Кришнамурти, дзен, например, — все они озабочены тем, как обрести больше сознания, поскольку мы так бессознательны. Как быть более осознанными, бдительными? Как от бессознательности перейти к сознанию?

Но Тантра говорит, что это двойственность — бессознательное и сознательное. Если вы переходите от бессознательности к сознанию, вы переходите из одной двойственности в другую. Выйдите за пределы обеих! Не выйдя за пределы всех двойственностей, вы никогда не сможете достичь высшего, поэтому не будьте ни бессознательными, ни сознательными; просто выйдите за пределы, просто будьте. Будьте ни сознательными, ни бессознательными — просто *будьте!* А это за пределами йоги, за пределами дзен, за пределами всех учений.

«Вигьяна» значит «сознание»; а «бхайрава» — это особый термин, который в Тантре обозначает человека, вышедшего

за пределы. Поэтому Шива известен как Бхайрава, и Дэви известна как Бхайрави — те, кто вышел за пределы двойственности.

В диапазоне нашего опыта только любовь может дать некоторое представление об этом. Вот почему любовь служит главным средством передачи тантрической мудрости. Можно сказать, что в пределах нашего опыта только любовь выходит за пределы двойственности. Когда двое людей любят друг друга, то чем глубже они окунаются в любовь, тем все меньше и меньше они остаются двумя, и тем больше и больше становятся одним. И наступает такой предельный момент, когда их двое только по видимости. Внутренне они составляют одно целое; они превзошли двойственность.

Только в этом свете приобретают смысл слова Иисуса: «Бог есть любовь»; никакого другого смысла в них нет. В диапазоне нашего опыта любовь ближе всего к божественному. Суть не в том, что Бог всех любит, как обычно толкуют христиане: Бог любит вас отеческой любовью... Вздор! «Бог есть любовь» — это тантрическое утверждение. Оно означает, что любовь — единственная в рамках нашего опыта реальность, вплотную приближающаяся к Богу, к божественному. Почему? Потому что в любви переживается единство. Два тела, как и прежде, остаются двумя телами, но нечто за пределами тел сливается и становится одним.

Именно поэтому секс обладает над человеком такой властью. За ним стоит настоящее стремление человека: стремление к единству, — но это единство никак не связано с сексом. В сексе два тела испытывают лишь обманчивое чувство, что они становятся одним, на самом деле они не одно целое, они только соединены друг с другом. Но на мгновение два тела забывают себя друг в друге, и возникает ощущение определенного физического единства. В стремлении к сексу нет ничего плохого,

опасно только на нем останавливаться. Это стремление указывает на более глубокую жажду — жажду единства.

В любви, на более высоком плане, внутреннее существо входит в другого и сливается с ним, и возникает чувство единства. Двойственность растворяется. Только в такой недвойственной любви мы можем получить проблеск состояния, в котором пребывает Бхайрава. Можно сказать, что состояние Бхайравы — это абсолютная любовь, любовь без возврата; с вершины такой любви нельзя упасть. Бхайрава постоянно пребывает на этой вершине.

Мы сделали жилищем Шивы гору Кайлаш. Это только символ — самая высокая из вершин, самая священная из вершин. Мы сделали ее жилищем Шивы. Мы можем взойти к этой вершине, но вынуждены будем снова с нее спуститься; она не может стать нашим жилищем. Мы можем совершить к ней паломничество... Наше восхождение будет *тиртхаятрой* — паломничеством, путешествием. Мы можем на мгновение коснуться высочайшей из вершин, но потом снова придется вернуться.

В любви случается это священное паломничество, — но не со всеми, потому что почти никто не идет дальше секса. Мы живем в долине, в темной долине. Иногда кто-то поднимается на вершину любви, но сразу же падает, потому что она так головокружительна. Она так высоко, а вы так низко — трудно жить на вершине. Те, кто любил, знают, как трудно оставаться в любви постоянно. Из любви приходится снова и снова возвращаться. Для Шивы это постоянное место обитания. Он остается в любви всегда; любовь — его дом.

Бхайрава живет в любви; это его жилище. Говоря, что это его жилище, я имею в виду, что он даже не осознает любовь, — потому что, если вы живете на вершине горы Кайлаш, вы не осознаете, что это

гора Кайлаш, что это вершина. Вершина превращается в обычную землю. Шива не осознает любовь. Мы осознаем любовь, потому что живем в нелюбви. И по контрасту мы чувствуем любовь. Шива и *есть* любовь. Состояние Бхайравы означает, что человек стал любовью, а не любящим; он стал *любовью*, он живет на вершине. Вершина стала его жилищем.

Как сделать достижимой эту высочайшую из вершин — вершину, которая за пределами двойственности, за пределами бессознательности, за пределами сознания, за пределами тела и души, за пределами мира и так называемой *мокиши*, освобождения? Как достичь этой вершины? Методом, средством для этого служит Тантра. Но понять Тантру, в силу ее чисто технического свойства, будет трудно. Сначала давайте поймем вопросы, поймем, о чем спрашивает Дэви.

О Шива, что есть твоя суть?

Почему возник такой вопрос? Вы тоже можете задать подобный вопрос, но он не будет нести того же смысла. Попробуйте понять, почему Дэви спрашивает: *что есть твоя суть?* Дэви глубоко любит. В глубокой любви человек впервые сталкивается с внутренней реальностью. Тогда Шива — не форма, тогда Шива — не тело. Когда вы глубоко любите, тело возлюбленного растворяется, исчезает. Форма рассеивается, и открывается внеформенное. Вы оказываетесь лицом к лицу с бездной. Поэтому мы так боимся любви. Мы можем принять тело, мы можем принять лицо, мы можем принять форму, но нам страшно смотреть в бездну.

Если вы кого-то любите, если вы любите по-настоящему, рано или поздно тело рассеется. В какое-то мгновение кульминации, крещендо форма рассеется, и сквозь возлюбленного вы войдете во внеформенное.

Вот чего мы так боимся — этого падения в бездонную пропасть. И этот вопрос задан не просто из любопытства:

О Шива, что есть твоя суть?

Наверное, вначале Дэви любила Шиву как форму. С этого все начинается. Наверное, вначале она любила Шиву как мужчину, но теперь, когда любовь выросла и расцвела, когда любовь достигла зрелости, мужчина исчез. Он стал внеформенным. Теперь его больше нет.

О Шива, что есть твоя суть?

Это вопрос, заданный в чрезвычайно интенсивный миг любви. А когда возникают вопросы, каждый из них окрашивается тем состоянием ума, в котором он задан.

Итак, создайте в уме ситуацию, атмосферу того вопроса. Дэви, должно быть, в растерянности: Шива исчез. Когда любовь достигает кульминации, возлюбленный исчезает. Почему это происходит? Это происходит потому, что на самом деле каждый внеформен. Вы — не тело. Вы бездействуете как тело, живете как тело, но вы — не тело. Когда мы видим кого-то снаружи, этот человек кажется телом. Но любовь проникает внутрь. Тогда мы не видим человека снаружи. Любовь способна видеть человека таким, как сам человек видит себя изнутри. Тогда форма исчезает.

Когда дзенский монах Риндзай достиг просветления, первым делом он спросил:

— Где мое тело? Куда девалось мое тело?

И он начал поиски. Он созвал учеников и сказал:

— Пойдите и поищите, куда девалось мое тело. Я потерял тело.

Он вошел во внеформенное. Вы — тоже внеформенное существование, но вы знаете себя не прямо, а только посредством глаз других людей. Вы знаете себя в отражении зеркала. Как-нибудь, глядя в зеркало, закройте глаза и подумайте... помедитируйте: если бы зеркала не было, как бы вы могли узнать свое лицо? Если бы зеркала не было, не было бы и лица. У вас нет лиц; лица вам придают зеркала. Представьте себе мир, в котором нет зеркал. Вы одни — нет ни одного зеркала, и даже ничьи глаза не могут послужить вам зеркалом. Вы одни на необитаемом острове; нет ничего, что могло бы вас отражать. Будет ли тогда у вас лицо? Будет ли у вас тело? Их не будет. У вас их просто нет. Мы знаем себя только через посредство других, а другие могут знать лишь внешнюю форму. Вот почему мы отождествляемся с формой.

впервые узнаете бездну — внеформенное присутствие.

Вот почему за века, за многие-многие века, не было создано никаких скульптур, никаких изображений Шивы. Есть только *шивалинга*, символ. Шивалинга — это просто внеформенная форма. Когда вы кого-то любите, когда вы в кого-то входите, он становится лишь сияющим присутствием. Шивалинга — это просто сияющее присутствие, аура света.

Вот почему Дэви спрашивает: *что есть твоя суть?*

Что есть эта Вселенная, мир бесконечных чудес?

Мы знаем эту Вселенную, но не знаем, что это мир, полный чудес. Об этом знают дети, знают влюбленные. Иногда знают поэты и сумасшедшие. Мы не знаем, что этот мир бесконечно чудесен. В нашей жизни все просто повторяется — нет ничего удивительного, никакой поэзии, лишь скучная проза. Ничто не рождает в нас песню; ничто не рождает в нас танец; ничто не пробуждает внутри нас поэзию. Вся Вселенная кажется механической. Но дети смотрят на мир полными удивления глазами. А если глаза готовы бесконечно удивляться чуду мира, они видят мир бесконечных чудес.

В любви вы снова становитесь как дети. Иисус говорит: «Только те, кто подобен детям, войдут в мое божественное царство». Почему? Потому что, если Вселенная не является для вас чудом, вы не можете быть религиозными. Если Вселенная объяснима, вы принимаете научный подход. Тогда Вселенная — либо познанное, либо непознанное; но то, что не познано сегодня, может быть познано завтра; нет ничего непознаваемого. Только в том случае, когда глаза умеют удивляться чуду мира, Вселенная становится непознаваемой, становится тайной.

14

Другой дзенский мистик, Якудзю, часто говорил ученикам:

— Если в медитации вы потеряли голову, немедленно приходите ко мне. Когда потеряете голову, сразу же приходите ко мне. Если вы вдруг почувствуете, что головы нет, не бойтесь; тут же приходите ко мне. Это подходящий момент, тогда вас можно будет чему-то научить.

Пока голова есть, никакое учение невозможно. Голова всегда вмешивается.

Дэви спрашивает Шиву:

О Шива, что есть твоя суть?

Кто ты? Форма исчезла; поэтому возник этот вопрос. В любви вы входите в другого, как входит в себя он сам. И вы не то чтобы получаете ответ — вы сливаетесь в одно и

Дэви говорит:

***Что есть эта Вселенная,
мир бесконечных чудес?***

Внезапно происходит скачок от личного вопроса к очень безличному. Она спрашивает: *что есть твоя суть?* А потом вдруг:

***Что есть эта Вселенная,
мир бесконечных чудес?***

Когда форма исчезает, возлюбленный становится Вселенной, внеформенным, бесконечным. Дэви вдруг осознает, что задает вопрос не о Шиве; она задает вопрос обо всей Вселенной. Теперь Шива стал всей Вселенной. Теперь внутри него движутся все звезды, и весь небесный свод, все космическое пространство содержится внутри него. Теперь он стал величайшим объемлющим фактором — «великим всеобъемлющим». Карл Густав Юнг определил Бога как «великий всеобъемлющий».

Когда вы входите в любовь, в глубокий, интимный мир любви, человек исчезает, форма исчезает, и возлюбленный становится просто дверью во Вселенную. Ваше любопытство может быть чисто научным — в таком случае вам следует ограничиться логикой. Тогда вы не должны думать о внеформенном. Тогда остерегайтесь внеформенного, довольствуйтесь формой. Наука всегда имеет дело с формой. Если научному уму предложить нечто внеформенное, он отольет его в форму — без формы научный ум не найдет никакого смысла. Сначала придайте форму, определенную форму — только тогда может начаться исследование.

В любви же, если есть форма, она теряет все границы. Форма рассеивается! Когда вещи утрачивают форму, становятся зыбкими, и их границы стираются, когда все вещи взаимопроникают друг в друга, и вся Вселенная становится единством, — только тогда эта Вселенная превращается в мир бесконечных чудес.

Каково ее семя, начало всего?

Дэви идет дальше. После вопроса о Вселенной она продолжает:

Каково ее семя, начало всего?

Эта внеформенная, полная чудес Вселенная — откуда она произошла? Откуда берет свое начало? Или у нее *нет* начала? Что является семенем?

Кто направляет колесо мироздания?

...спрашивает Дэви. Это колесо вращается и вращается — непрерывное изменение, бесконечно струящийся поток. Но кто его направляет — кто вращает и уравнивает это колесо? Где его ось, центр, неподвижный центр?

Дэви не останавливается, чтобы дожидаться ответа. Она продолжает спрашивать, как будто ни к кому не обращаясь, как будто разговаривая с собой.

***Что есть эта жизнь — внутри
всякой формы и превыше всех форм?***

***Как войти в нее целиком, преступив
пределы пространства и времени,
названий и описаний?***

Да разрешатся мои сомнения!

Особый акцент делается не на вопросах, а на сомнениях:

Да разрешатся мои сомнения!

Это очень существенно. Когда вы задаете интеллектуальный вопрос, вы ждете определенного ответа, который бы разрешил вашу проблему. Но Дэви говорит:

Да разрешатся мои сомнения!

На самом деле, она просит не ответов. Она просит о трансформации ума, — потому что сомневающийся ум, какие бы ответы ему ни давались, будет продолжать сомневаться. Заметьте: сомневающийся ум останется сомневающимся. Ответы ничего не изменят. Если я дам вам ответ, а ваш ум полон сомнений, вы усомнитесь в этом ответе. Если я дам вам другой ответ, вы усомнитесь и в другом ответе. Ваш ум склонен сомневаться. Сомневающийся ум означает, что вы к чему угодно приставите вопросительный знак.

Значит, все ответы бесполезны. Допустим, вы меня спрашиваете, кто создал мир, и я говорю, что его создал «Х». Тогда вы обязательно спросите: «А кто создал „Х“?» Следовательно, главная задача не в том, чтобы ответить на вопросы. Главная задача в том, чтобы изменить сомневающийся ум, создать ум, который не сомневается, — то есть ум, полный доверия.

И Дэви говорит:

Да разрешатся мои сомнения!

И еще два или три замечания... Когда вы задаете вопрос, вас могут побуждать к этому разные причины. Одной из причин может быть то, что вы просто хотите подтверждения: вы уже знаете ответ, ответ у вас заготовлен, и вы только хотите получить подтверждение тому, что ваш ответ правилен. Такой вопрос ложен, фальшив; это не вопрос. Возможно, вы задаете вопрос не потому, что готовы изменить себя, но только из любопытства.

Ум все время задает вопросы. В уме вопросы вырастают, как листья на дереве. Задать вопросы — в самой природе ума. И он спрашивает и сомневается без конца. Не важно, чего касаются вопросы, — ум способен создать вопрос из чего угодно. Ум — как токарный станок, предназначенный для вытачивания вопросов. Дайте ему

что угодно, и он рассечет данное на части и создаст множество вопросов. Если на один вопрос будет получен ответ, ум создаст множество вопросов из этого ответа. Так продолжалось всю историю философии.

Бертран Рассел вспоминает, как в детстве он думал, что однажды, когда станет достаточно зрелым, чтобы понять всю философию, он получит ответы на все свои вопросы. Позднее, когда ему было восемьдесят лет, он заметил: «Теперь я могу сказать, что мои собственные вопросы по-прежнему, как и в детстве, остаются в силе. Ответов не пришло, но из всех философских теорий возникло много новых вопросов». И он говорит: «Когда я был молод, я думал, что философия — это поиск окончательных ответов. Теперь я не могу этого сказать. Философия — поиск нескончаемых вопросов».

Итак, каждый вопрос порождает один ответ и множество вопросов. Проблема — в самом сомневающемся уме. Дэви говорит: «Не заботься о моих вопросах. Я задала много вопросов: кто ты на самом деле? Что есть эта Вселенная, мир бесконечных чудес? Каково ее семя? Кто направляет колесо мироздания? Что такое жизнь, превосходящая формы? Как войти в нее целиком, поднявшись над временем и пространством? Но не заботься о моих вопросах — разреши мои сомнения. Я задаю эти вопросы, потому что они занимают мой ум. Я задаю их только для того, чтобы показать тебе, каков мой ум; но не обращай на вопросы внимания. Ответы не удовлетворят мою истинную потребность. Мне нужно другое: чтобы разрешились мои сомнения».

Но как можно разрешить сомнения? Подойдет ли для этого какой-то ответ? Есть ли такой ответ, который разрешит все ваши сомнения? Но сам ум и *есть* сомнение. Ум не сомневается, ум и есть сомнение! Пока ум не растворится, сомнения разрешить невозможно.